

А. С. Запесоцкий²

РОССИЯ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ. РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОШЛОМ И БУДУЩЕМ (К вопросу о современной теории и практике евразийства)

I

Сегодня тематика евразийства имеет и теоретическое, и практическое значение. Она непосредственно

² Ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент Российской академии наук, академик Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Председатель Экспертного совета Комитета Государственной Думы РФ по труду и социальной политике. Заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга. Председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции.

Автор свыше 2000 публикаций. Член редколлегий и редсоветов журналов «Литературная учеба», «Философия и культура», «Вопросы культурологии», «Поиск», «Партнерство цивилизаций», «Симург» (Азербайджан).

Награжден орденом Дружбы, медалями «За спасение утопающих», «В память 300-летия Санкт-Петербурга», «Патриот России». Кавалер медали К. Д. Ушинского, Золотой медали Российской академии образования, Золотой медали Льва Толстого Международной ассоциации писателей и публицистов (Париж). Награжден Почетной грамотой Министерства культуры Республики Болгария, медалями «SIMURG» Ассоциации культуры Азербайджана и «Академик Сапаргалиев» (Казахстан).

Лауреат премий Правительства РФ (2007) и Правительства Санкт-Петербурга (2010) в области образования и Горьковской литературной премии. Почетный доктор университетов США, Ирландии, Украины и Польши. Академик Академии наук и ис-

сопряжена с ключевым для современной России вопросом: куда и как должен быть выстроен вектор дальнейшего развития страны?

С одной стороны, все острее в нашем обществе звучит критика ультралиберальной идеологии чиновничества, заключающейся в слепом, бездумном копировании западных механизмов построения социально-экономической жизни, все очевиднее провал основанных на этой идеологии реформ практически во всех сферах жизнедеятельности.

С другой стороны, процессы глобализации, мировая конкуренция не позволяют даже такой огромной стране, как Россия, действовать в одиночку, вынуждая искать союзников в многополярном мире.

В связи с этим понятен курс руководства страны по реализации потенциала Таможенного союза и Единого экономического пространства с участием России, Казахстана и Белоруссии, с перспективами подключения Армении, Таджикистана, Киргизии, Украины и др. На данном этапе вопрос ставится о максимальной реализации свободы передвижения товаров, услуг, капиталов,

искусств (Париж), Европейской академии наук и искусств (Зальцбург). Заслуженный артист РФ.

рабочей силы. Как справедливо отмечает В. В. Путин, «региональная интеграция, а весь мир идет по этому пути, — наиболее действенное средство для максимального использования внутренних ресурсов роста, повышения конкурентоспособности на мировых рынках, и, безусловно, мы уже много раз об этом говорили, вместе мы сильнее, нам проще реагировать на глобальные вызовы» [1]. Исходя из этих соображений взят курс на строительство Евразийского союза.

Очевидно, что экономическая интеграция невозможна без укрепления ее культурных основ. Евразийский союз потребует унификации не только производственных стандартов, но и правовой базы, принципов управления и учета, образования, стандартов туризма и т. д. Создание нового колоссального рынка с более чем 165 млн потребителей — это создание и соответствующего культурного пространства. Путин призывает всех нас воспринимать данный интеграционный проект не как «верхущечные бюрократические игры, а как абсолютно живой организм». Особое преимущество в этом деле, по его мнению, — «мириады цивилизационных, духовных нитей, объединяющих наши народы» [2]. В данном подходе отчетливо просматривается стремление использовать позитивный опыт строительства Евросоюза.

В связи с этим нам стоит обратить внимание на то, что Евросоюз начинался 40 лет назад с Европейского объединения угля и стали. А сегодня он основан на общих подходах к жизни, общих принципах, идеях, ценностях.

Характерно, что, говоря о стратегическом планировании развития евразийской интеграции, академик Сергей Глазьев отмечает необходимость общеприемлемой идеологии, определяющей видение общего будущего: «Пока бушует глобальный кризис и свежи в памяти чудовищные экономические и социальные последствия распада Советского Союза и мировой системы социализма, роль этой идеологии выполняет простая идея выживания и объединения экономических потенциалов для повышения конкурентоспособности. В дальнейшем она должна развиваться, опираясь на общее духовное наследие народов и вбирая в себя современную парадигму устойчивого развития, цели повышения качества жизни граждан, принципы общей ответственности участвующих в процессе интеграции государств за будущее человечества» [3]. Отсюда и вытекает постановка вопроса «о новой мировоззренческой модели».

Интересно, что выдающийся экономист Глазьев видит за понятием «европейский интеграционный процесс» продуманное философско-политическое направление: «После распада Российской империи оно активно продвигалось нашими философами, которые вынуждены были эмигрировать, и целая серия работ, начиная с князя Трубецкого, была посвящена осмыслению того, что будет в постсоветскую эпоху. Общая идея заключалась в том, что будет евразийское объединение, отличное от Российской империи, базой которой было православие, и от СССР, который был основан на коммунистической идеологии. Отличие в том, что в евразийском процессе сохраняется

все цивилизационное разнообразие при полном равенстве участников» [4].

Конечно, вопрос о цивилизационном разнообразии требует анализа специалистами — представителями философии, культурологии, этнологии и других отраслей гуманитарного знания. Так сама жизнь, практические потребности страны возвращают нас к давнему спору между славянофилами, евразийцами и западниками.

II

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов давно занимается этой проблематикой в контексте поисков современных подходов к процессам диалога культур. В 2007 году мы опубликовали в журнале «Москва» статью «Лихачев и Гумилев: спор о евразийстве» [5], опереться на которую представляется уместным в контексте его интереса к проблематике евразийства. Если Л. Н. Гумилев был, по его собственному определению, последним «евразийцем», то фигура Д. С. Лихачева сейчас устойчиво ассоциируется с новейшим отечественным западничеством.

В историко-культурном смысле два наших выдающихся земляка-гуманитария оказываются по разные стороны баррикад. Д. С. Лихачев писал: «Сейчас в моду вошла идея так называемого евразийства... Ущемленная в своем национальном чувстве часть русских мыслителей и эмигрантов соблазнилась легким решением сложных и трагических вопросов русской истории, провозгласив Россию особым организмом, особой территорией, ориентированной главным образом на Восток, на Азию, а не на Запад. Отсюда был сделан вывод, будто европейские законы не для России писаны и западные нормы и ценности для нее вовсе не годятся» [6, с. 358–359]. «На самом деле Россия — это никакая не Евразия. <...> Россия — несомненная Европа по религии и культуре» [7, с. 384].

Не менее категоричен был и Л. Н. Гумилев, указывая на «восточный» (и конкретно «монгольский», «ордынский») генезис российской культуры и государственности, «возрождение на Москве монгольских традиций, традиций Чингисхана»: «Государи московские <...> положили начало процессу собирания русских земель вокруг Москвы, руководствуясь новыми, заимствованными у монголов и дотоле на Руси не известными принципами устройства власти: веротерпимостью, верностью обязательствам, опорой на служилое сословие. <...> Традиции Союза со Степью оказались жизнеспособны и плодотворны, они материализовались в политической практике Московского государства XVI–XVII веков, когда вся бывшая территория Золотой Орды вошла в состав Русского государства. Монголы, буряты, татары, казахи столетиями пополняли ряды русских войск и бок о бок с русскими защищали свое общее Отечество, которое с XV века стало называться Россией» [8, с. 315]. Роль же Западной Европы в российской истории представлялась Л. Н. Гумилеву большей частью деструктивной: «Русь, вернее та ее северо-восточная часть, которая вошла в состав улуса Монгольского, оказалась спасена от католической экспансии, сохранила и культуру, и этническое

своеобразие. Иной была судьба юго-западной Червонной Руси. Попав под власть Литвы, а затем и католической Речи Посполитой, она потеряла все: и культуру, и политическую независимость, и право на уважение» [8, с. 313].

Евразийство искало и нашло свой ответ на вопрос о пути России, и этот ответ не вписывался ни в западную, ни в славянофильскую традиции. Главным тезисом этого направления было утверждение: «Русские люди и люди “российского мира” не суть ни европейцы, ни азиаты» [9, с. 43]. «Национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской империей, а теперь называется СССР, — писал князь Н. С. Трубецкой (1890–1438), — может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемое как особая многонародная нация, и в качестве таковой обладающая особым национализмом. Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию — Евразией...» [10, с. 17].

В итоге евразийцами еще до Гумилева была выработана особая позиция, выраженная в манифесте 1927 года, где говорилось: «Россия представляет собой особый мир. Судьбы этого мира в основном и важнейшем протекают отдельно от судьбы стран к западу от нее (Европа), а также к югу и востоку от нее (Азия). Особый мир тот должно называть Евразией. Народы и люди, проживающие в пределах этого мира, способны к достижению такой степени взаимного понимания и таких форм братского сожителства, которые труднодостижимы для них в отношении народов Европы и Азии» [там же]. Более того, усилия русской интеллигенции, пытавшейся в течение двух столетий ассоциировать себя с Европой, как утверждал Н. С. Трубецкой еще в 1920 году («Европа и человечество» [11]), были одной из главных причин разразившейся в 1917 году катастрофы и гибели «старой» России.

Ссылаясь на почти «гипнотическое воздействие мифа об общечеловеческом характере европейской цивилизации», Трубецкой призывал избавиться от «ненавистного ига романо-германцев» и осознать, что культура Запада — лишь одна в ряду многих, совершенно равнозначных по своей ценности культур [12, с. 258]. Что же касается народов Евразии, то им, по мнению Трубецкого (создавшего так называемую теорию языковых союзов), присущ единый «туранский» психологический тип, объединяющий угро-финнов, тюркские, монгольские, маньчжурские и самодийские народы с русской общностью черт национальных характеров.

С точки зрения Гумилева, подлинной проблемой для России были не контакты с Западом сами по себе, а то, в каком «этническом состоянии» Россия на эти контакты выходила (и соответственно в каком «этническом состоянии» находится в это время как весь «европейский суперэтнос», так и конкретный объект контакта в частности).

Именно поэтому еще в те времена, когда концепция «общечеловеческих ценностей» разрабатывалась стараниями М. С. Горбачева и его соратников, Гумилев писал: «Все разговоры о приоритете общечеловеческих ценностей наивны, но небезобидны. <...> Реально для торжества общечеловеческих ценностей

необходимо слияние всего человечества в один-единственный гиперэтнос <...> Но даже если представить себе слияние человечества в гиперэтнос как свершившийся факт, то и тогда восторжествуют не общечеловеческие ценности, а этническая доминанта какого-то конкретного суперэтноса. Вхождение в чужой суперэтнос всегда предполагает отказ от своей собственной этнической доминанты <...> Ценой входа в цивилизацию станет для нас господство западноевропейских норм поведения. И легче ли окажется от того, что эти системы ценностей неправомерно названы общечеловеческими...» [13, с. 189–190].

Праота Гумилева подтвердилась в наши дни судьбой перебежчиков — стран Балтии, вошедших в Евросоюз ценой не только потери суверенитета, но и новых поколений молодежи, почти целиком уехавших на Запад в поисках «лучшей жизни», и ценой деградации культурного своеобразия национальных культур.

Ясное понимание этнических «возможностей» народа в конкретный момент его исторического бытия может, по мнению Л. Н. Гумилева, позволить прозорливому политику выстроить мудрую линию поведения даже в безнадежной стадии этнической обскурации, в момент распада этноса. Примером здесь является «гений Александра Невского», заслуга которого «заключалась в том, что он своей дальновидной политикой уберег зарождающуюся Россию в инкубационной фазе ее этногенеза, образно говоря, “от зачатия до рождения”» [14, с. 544]. Ученый очень ярко описывает трагическую дилемму великого князя: с кем быть — с Ордой против Запада или наоборот?

Реальный смысл гумилевской евразийства для нас сегодня — в наличии у современной России политического выбора: с кем и как объединяться в современных условиях глобализации. А присущую историософии XVIII–XIX веков оценочность — будь то западническое признание «отсталости» России или, напротив, славянофильское утверждение ее «преимущества» перед Западом — Л. Н. Гумилев «выносит за скобки» исследования проблемы как устаревшую.

Для Д. С. Лихачева Россия, безусловно, является частью Европы, ибо составляет с ней единую культурную систему. Обоснованному Гумилевым евразийскому «русскому этногенезису» он противопоставляет свой, безусловно, европейский, то есть единый с европейскими народами, «русский культурогенезис», блестяще изложенный им в «Культуре Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого» (ввиду особого значения данного фрагмента процитируем его полностью): «XIV век — век Предвозрождения — является одновременно веком интенсивного сложения элементов национальных культур по всей Европе. В России к XIV–XV векам относится сложение русской национальной культуры. Национальные элементы отдельных культур, возникнув почти одновременно по всей Европе, получают реальную опору в организации собственного национального русского государства. Вот почему национальное своеобразие русской культуры XIV–XV веков выражено особенно отчетливо. Крепнет единство русского языка. Русская литература строго подчинена теме государственного строительства.

Русская архитектура все сильнее выражает национальное своеобразие. Распространение исторических знаний и интерес к родной истории вырастают до широчайших размеров. Сложение элементов национальных культур по всей Европе тесно связано с культурными явлениями, предвещавшими блестящую культуру Возрождения» [15, с. 96–97].

Именно на таком понимании культурного единства России и Европы Лихачев и основывает свой вывод о России как о неотъемлемой части Европы: «В своей культуре Россия имела чрезвычайно мало собственно восточного. Восточного влияния нет в нашей живописи. В русской литературе присутствует несколько заимствованных восточных сюжетов, но эти восточные сюжеты, как это ни странно, пришли к нам из Европы — с Запада или с Юга. Характерно, что даже у “всечеловека” Пушкина мотивы из Гафиза или Корана почерпнуты из западных источников. Россия не знала и типичных для Сербии или Болгарии (имевшихся даже в Польше и Венгрии) “потурченцев”, то есть представителей коренного этноса, принявших ислам. <...> Для существования и развития настоящей большой культуры в обществе должна наличествовать высокая культурная осведомленность, более того — культурная среда, среда, владеющая не только национальными культурными ценностями, но и ценностями, принадлежащими всему человечеству. Такая культурносфера — концептосфера — яснее всего выражена в европейской, точнее в западноевропейской, культуре <...> Европейская культура — культура общечеловеческая. И мы, принадлежащие к культуре России, должны принадлежать к общечеловеческой культуре через принадлежность именно к культуре европейской» [6, с. 360].

Опорой европейской культуры Лихачев считает христианство, и прежде всего потому, что оно внесло в европейскую культуру личностное начало. Д. С. Лихачев прямо ставит христианство нравственно выше всех остальных религий как единственную из них, «в которой Бог — личность» [16, с. 365], способная понимать и страдать. Второй аспект европейской культуры, утверждающий в глазах Лихачева ее превосходство, — универсализм, то есть восприимчивость к другим культурам. И еще один «европейский принцип», на котором как на «всечеловеческом» настаивает академик Лихачев, — это принцип свободы, и прежде всего свободы внутренней, свободы творческого самовыражения личности. Здесь его позиция с позицией евразийцев расходится более всего, ибо евразийцы требовали ограничения личной свободы ради укрепления государства.

В итоге «европоцентрический» пафос Д. С. Лихачева оказывается, как мы видим, пафосом «культуроцентрическим», близким по духу даже таким критикам Запада, как «почвенник» Достоевский или, если обратиться к более позднему времени, А. А. Зиновьев: «Западноевропейская культура сложилась как культура высочайшего интеллектуального, морального и профессионального уровня, причем с утонченным и чрезвычайно строгим эстетическим вкусом. Создатели ее были выдающиеся таланты и гении. Эта культура сы-

грала беспрецедентную роль в просвещении и нравственном совершенствовании человечества. Она аристократична и элитарна в том смысле, что не опускалась добровольно или по принуждению до плебейского уровня масс, а, наоборот, возвышала массу до высочайшего интеллектуального, морального и эстетического уровня своего времени» [17, с. 315]. Вряд ли кто-нибудь из евразийцев — от Н. С. Трубецкого до Л. Н. Гумилева — смог бы всерьез отрицать подобную характеристику.

В проевропейской позиции Д. С. Лихачева необходимо отметить и еще один очень существенный мотив, кажется, полностью проигнорированный как классическим евразийством 1920-х годов, так и евразийским модернизмом в лице Л. Н. Гумилева, — университетское образование. Хотя оно и было принесено в Европу арабами, именно здесь оно было развито и достигло невиданного другими цивилизациями взлета.

Таким образом, если «евразийство» Гумилева утверждает наличие у России политического выбора, то «западничество» Лихачева доказывает, что культурного выбора у нее нет. Это европейский выбор, он был сделан еще Древней Русью и не может быть изменен — как сущностный признак отечественной культуры.

Кто прав: Гумилев или Лихачев? Сегодня получается, что правы оба вместе. И ни один сам по себе.

Трудно сказать, насколько Владимир Путин стремился вникнуть в детали историко-культурного спора между западниками и евразийцами, но свой ответ по поводу этого спора он нашел, и весьма интересный: «Евразийский союз будет строиться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы, объединенный единными ценностями свободы, демократии и рыночных законов». И далее: «Таким образом, вхождение в Евразийский союз... позволит каждому из его участников быстрее и на более сильных позициях интегрироваться в Европу» [2].

То есть Владимир Путин видит Большую Европу как мегаобразование, включающее Евросоюз и Евразийский союз. И создание Большой Европы должно вестись в первую очередь через создание сильного Евразийского союза. Данный подход следует назвать новаторским, конструктивным и чрезвычайно перспективным с практической точки зрения.

III

Заметим, что В. В. Путиным предложена совсем иная концепция, чем, скажем, видение знаменитого американского культуролога С. Хантингтона, отделявшего от Западной Европы Россию, Украину и Белоруссию в качестве особого «славянского» типа цивилизации.

Следует также сказать, что такое видение Европы встречает в настоящее время серьезный интерес в Евросоюзе, хотя и в пользу иных моделей построения Большой Европы сегодня работают многие влиятельные силы. Евросоюз в последние годы резко активизировал свою деятельность на постсоветском пространстве как альтернативная сила, стремящаяся подчинить своему влиянию страны, возникшие на месте бывшего

СССР, на основе их разделения, разжигания между ними конфронтации [18; 19; 20, с. 16, 38–39].

Как бы то ни было, представляется, что важной задачей отечественных гуманитарных наук теперь становится осмысление феномена Евразии в контексте современного знания. Специалисты в философии, культурологии, истории, этнологии, политологии, религиоведении и других отраслях знания должны концентрировать усилия не на продолжении спора между евразийством и «западничеством», а на выявлении возможностей синтеза этих двух подходов в дальнейшем развитии России, движении ее вперед.

Сегодня мировое сообщество представляет собой качественно новый контекст для завершения старого спора. Принципиально важными факторами здесь являются глобализация, модернизация, фундаментальные изменения капитализма, происходящие по мере вступления человечества в шестой технологический уклад и развития информационного общества. Теория конвергенции торжествует даже в таком непримиримом, казалось бы, споре, как конфронтация между социализмом и капитализмом.

Предложенная Владимиром Путиным концепция утверждения европейских ценностей на евразийском пространстве через евразийскую интеграцию имеет под собой фундаментальные основы. Дело в том, что, в отличие от Евросоюза, страны Евразийского экономического пространства еще не полностью завершили процесс модернизации — перехода от традиционалистского к техногенному обществу. Суть этого процесса подробно описана академиком В. С. Степиным [21, с. 99].

В связи с этим интересно присмотреться к опыту Республики Корея. Вопреки заверениям современных западных теоретиков об однозначной связи укрепления либеральных ценностей с прогрессом в экономике, экономический взлет этой страны не был связан с демократией, а произошел в условиях тоталитарного режима, военной диктатуры. И явился следствием разумной государственной политики. Правда, эта политика была выработана не сразу.

Корейцы с начала 80-х годов XIX века создали два течения общественной жизни, похожие на российских славянофилов и западников, — юсэн и кэхва. Приверженцы юсэн, разновидности конфуцианства, выступали против реформ. Они полагали, что исконная, традиционная культура Кореи выше всех на свете, что Запад тлетворен, что ни на шаг нельзя отступать в защите своей культуры от внешних влияний. Они боролись против сторонников кэхва — модернизации Кореи. Одни считали, что путь нации к величию лежит через развитие национальной экономики за счет национального капитала, но западным путем, другие требовали пробуждения национального самосознания за счет обращения к культурным корням.

Эпоха японского колониального господства преврала эти споры с 1910 до 1945 года. Придя к власти, первый президент страны Ли Сын Ман пообещал превратить Корею в плавильный тигель, где соединятся в единое целое учения Конфуция и Христа. Но столкнулся с трудностями определения ценностных ориен-

тиров нации. С 1948 по 1960 год политика государства в области культуры была ориентирована на западные образцы, ускоренное приобщение к западной культуре. Был достигнут прогресс в укреплении материальной базы учреждений культуры и искусства, подготовке кадров работников культуры, развитии различных профессиональных объединений интеллигенции и отработаны механизмы жесткого государственного контроля над всеми сторонами социально-экономической жизни. Вместе с тем имели место и негативные тенденции: в страну хлынул поток низкопробной массовой культуры Запада, в упадок стала приходить традиционная национальная культура.

Пришедший к власти в 1960 году Пак Чжон Хи был убежден, что чрезмерное поклонение чуждой культуре наносит непоправимый вред нации, что западные ценности могут быть привнесены в Корею, только пройдя фильтры ее собственного национально-культурного опыта. Он поставил решение экономических проблем на основу корейского исторического наследия, укрепляя национальную этику. Линия Пак Чжон Хи означала коренную модернизацию экономики в опоре на традиционные ценности корейского народа. И реализовывалась эта линия методами диктатуры.

В 1966 году в стране был принят ряд важных нормативных актов, ограничивающих негативное влияние чуждых культурных ценностей через кинематограф, рекламу и др. С другой стороны, государство тогда же приняло ряд материальных и моральных мер, нацеленных на подъем народного творчества, художественных ремесел. Новое в жизни страны стало развиваться в разумном балансе с поддержкой фундаментальных традиционных ценностей общества.

Президент Чон Ду Хван, пришедший к руководству страной в 1979 году, продолжил эту линию. Дальнейший рост экономики, обогащение граждан оказались подчинены традиционной конфуцианской этике: культ долга, семьи, отношения к предкам, сыновней почтительности, подчинения государству и начальнику и другие, — все это, помноженное на использование реальных технологических достижений Запада и экспортно-ориентированную экономику, и составило основу феноменального расцвета Республики Корея. Экономические успехи шли рука об руку с ростом национального самосознания корейцев. Росла зрелость общества. В 1988 году в стране прошли демократические выборы. Нравственное обновление и прогресс в культуре открыли дорогу свободе слова и творчества, дальнейшему подъему творческой интеллигенции.

Не менее поучителен и опыт восприятия западных ценностей бывшими странами «восточного блока», растворившими свой суверенитет в коридорах брюссельской бюрократии. К примеру, страны Балтии стали зоной катастрофического падения промышленности, оттока рабочей силы, экономического и культурного упадка. В Евросоюзе им была уготовлена роль оккупированных стран.

В целом же Запад представляет собой очень необычную геополитическую конфигурацию послевоенного устройства. Строительство объединенной Европы произошло под военно-политическим контролем

англосаксонского блока (США и Англии), где Англия играет роль младшего партнера. При этом культурное развитие Запада имеет два разнонаправленных тренда. Один из них — формирование общей культуры Евросоюза, другой — трансформация США и ЕС в направлении мультикультурализма. Влияние США на жизнь Европы медленно ослабевает, но весьма значительную роль в консолидации Запада продолжает играть НАТО. Данный военный блок — это публичный технический инструмент, нечто вроде «верхушки айсберга» могучей структуры отношений, обеспечивающей США контроль над Евросоюзом спустя без малого 70 лет после окончания Второй мировой войны.

Известно, что Запад как американский проект не предусматривает ни равноправия стран, входящих в Евросоюз, ни независимости ЕС. Эта конструкция содержит четыре «этажа». Наверху — Англия и США. Ниже — «старая Европа»: Франция, Германия, Италия и др. Еще ниже — новые члены Евросоюза, несмотря на видимые вливания из его бюджета, играющие в ряде отношений роль доноров. И наконец, в самом низу, «в подвале» — зона стран за границей ЕС, в которой сознательно культивируется обстановка нестабильности. Так, как это происходит сегодня на Украине. Данная конструкция строится не на основе культурных сходств или различий, но с их учетом. Основа же — представление о мировой арене как своего рода шахматной доске, где различные фигуры обладают своими свойствами и способны образовывать более или менее выгодные ключевым игрокам конфигурации.

В этой ситуации строительство Евразийского союза дает всем его членам уникальные возможности для сохранения своей национально-культурной самобытности и стремительного экономического подъема в условиях глобализации.

Литература

1. Выступление В. В. Путина на заседании Высшего евразийского экономического совета (24 октября 2013 г., Минск) // Президент России. Официальный сайт [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа : <http://www.kremlin.ru/news/19484>
2. Путин В. В. О Евразийском союзе / В. В. Путин // НАКАНУНЕ.RU [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа : <http://www.nakanune.ru/news/2011/10/4/22247934>
3. Глазьев С. Ю. О целях, проблемах и мерах государственной политики развития и интеграции: науч. доклад / С. Ю. Глазьев [Электронный ресурс]. Электрон. дан. — Режим доступа : <http://spkurdyumov.ru/future/o-celyax-problemah-i-merah-gosudarstvennoj-politiki-razvitiya-i-integracii/3/>
4. Глазьев С. Ю. Драма ассоциации : интервью / С. Ю. Глазьев // Эксперт. — 2013. — № 45 [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа : <http://expert.ru/2013/11/8/drama-assotsiatsii/>
5. Запесоцкий А. С. Лихачев и Гумилев: спор о евразийстве / А. С. Запесоцкий // Москва. — 2007. — № 1. — С. 203–213.
6. Лихачев Д. С. Культура как целостная среда / Д. С. Лихачев // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. — СПб. : СПбГУП, 2006. — С. 348–362.
7. Лихачев Д. С. О русской интеллигенции / Д. С. Лихачев // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. — СПб. : СПбГУП, 2006. — С. 370–387.
8. Гумилев Л. Н. Бремя таланта / Л. Н. Гумилев // Л. Н. Гумилев. Дар слов мне был обещан от природы : лит. наследие. Стихи. Драмы. Переводы. Проза. — СПб. : Росток, 2004.
9. Струве Г. П. Русская литература в изгнании / Г. П. Струве. — Париж ; М., 1996.
10. Евразийская хроника. — Париж, 1927. — Вып. 7.
11. Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык / Н. С. Трубецкой. — М. : Прогресс, 1995. — 799 с.
12. Сто русских философов : [Текст]. — М. : Мирта, 1995.
13. Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации / Л. Н. Гумилев. — М. : АСТ, 2005.
14. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь / Л. Н. Гумилев. — М. : Терра, 2000.
15. Лихачев Д. С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого / Д. С. Лихачев // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. — СПб. : СПбГУП, 2006. — С. 87–163.
16. Лихачев Д. С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт / Д. С. Лихачев // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. — СПб. : СПбГУП, 2006. — С. 363–369.
17. Зиновьев А. А. Запад. Феномен западнизма : [Текст] / А. Л. Зиновьев. — М. : Центрполиграф, 1995.
18. Запесоцкий А. С. Постсоветское пространство как зона глобального противоборства / А. С. Запесоцкий // Философия и социология культуры. — СПб. : СПбГУП ; Наука, 2011. — С. 521–529.
19. Глазьев С. Ю. Без России Украина и ЕС не смогут найти компромисс / С. Ю. Глазьев // Вести.Ru [Электронный ресурс]. — Электрон. дан. — Режим доступа : <http://www.vesti.ru/videos?vid=557981>
20. Внутренние и внешние факторы в динамике современного развития Кавказа : [Текст] // Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. — 2008. — Вып. 6.
21. Степин В. С. Цивилизация и культура / В. С. Степин. — СПб. : СПбГУП, 2011. — 408 с.